

*Георгий Владимирович АРДАЗИШВИЛИ —
ст. преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Заводоуковского филиала
Тюменского государственного университета*

УДК 008.001

РОЛЬ МИФА И УТОПИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОСНОВНЫХ СМЫСЛООБРАЗУЮЩИХ ОРИЕНТИРОВ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

АННОТАЦИЯ. В статье раскрывается роль мифов и утопий в формировании сознания современного российского общества. Излагаются основные тенденции данного процесса исходя из географических, социокультурных и исторических факторов. Исследуются основные проблемы устойчивости мифов и утопий в период коренных социальных и политических изменений общества.

This article reveals the role of myths and utopians in the development of consciousness in modern Russian society. The basic tendencies of the following process are presented according to geographical, cultural and historical factors. The basic problems of stable myths and utopians are being explored in the period of the main social and political changes in the society.

В сложном социокультурном пространстве современной России присутствует множество идеалов и обуславливающих эти идеалы мифов и философем. Эти идеалы находятся друг с другом не только в отношениях конкуренции, но и в отношениях диалога, когда они, сохраняя свою формальную неизменность, тем не менее, обмениваются значениями, формируют новые значения в ответ на вызовы со стороны конкурирующих идеалов и, вероятно, духовный облик будущего сложится как своеобразный интеграл множества идеалов прошлого. Так, например, идея социализма и коммунизма в СССР сложилась не только под влиянием западной науки и идеологии русских западников XIX в., но и под влиянием русских славянофилов, русского национализма, русского православия, из которого большевизм искусственно и насильственно удалил представление о Боге. В таком виде православие, конечно, перестало быть религиозным, но оказалось способным выступить «матрицей» формирующейся советской идеологии. Так, за последнее столетие в нашей стране сложилось как бы два православия: одно — традиционное, религиозное, сохраняющееся в Русской Православной Церкви и ее приходах, а другое — светское, государственное, коммунистическое, уже не называющее себя православием, но воспроизводящее многие его обрядовые формы (демонстрация с плакатами вождей, напоминающая крестный ход; проповеднические выступления партийных секретарей на собраниях, где в их задачу входило не высказывание своего мнения, а именно проповедь и разъяснение незыблемых догм коммунизма и решений, принятых на «вселенских соборах» КПСС и т.д.).

Некоторые из идеалов, функционирующих сегодня в российском культурном пространстве, в борьбе друг с другом уже структурируются как утопии. Они, конечно, не имеют еще необходимой для полноценной утопии рациональной формы выражения, но явно уже осознаются в виде более рационализованном, чем просто социальные идеалы.

По мнению автора, идеал является проекцией мифа на будущее. Утопия — это рационально осознанный, сконструированный и сформулированный идеал. Процесс же осознания, конструирования и формулирования утопии, еще не пришедший к относительно завершённому результату, вероятно, имеет смысл обозначать как «протоутопию», где рациональный и мифологический характер еще неотрефлексированы, неотрывны друг от друга и существуют в виде своего рода «массовых ожиданий».

Сегодня в общественном сознании России существует целый ряд протоутопий, обладающих разной степенью развитости.

Прежде всего, следует отметить, что в условиях революционных трансформаций всего социокультурного целого страны, таких, какие характеризовали и характеризуют Россию в период с 1991 г. по наши дни, такой протоутопический характер имеет все прошлое в целом, и в первую очередь — ближайшее прошлое, а также желаемое будущее. Аналогичную картину подмечали еще К. Маркс и Ф. Энгельс в своем «Манифесте коммунистической партии» [3]. Речь идет о том, что, наблюдая французскую революцию 1848 г., они связали протоутопические взгляды общества с основными группами его социальной структуры и с идеологиями партий, представляющих эти группы. Такая прямая связь массовых ожиданий с партийными идеологиями сегодня, конечно, может считаться сомнительной. Однако заметим, что как идея, высказанная в 1848 году, она была вполне правомерной. В этом плане названная работа К. Маркса и Ф. Энгельса представляется очень интересной, хотя, с позиции наших дней, существенно неполной. Их интересовали только оппозиционные взгляды, и они предложили такую идеологическую карту: «реакционный социализм» (феодальный, мелкобуржуазный и «немецкий или «истинный»), «консервативный, или буржуазный социализм», «критически-утопический социализм и коммунизм».

Согласно этим мыслителям, «феодальный социализм» более представляет собою «отголосок прошлого», идеологию потерявшей власть аристократии, вступившей в союз с социалистическими идеями христианства, хотя и не без «угроз будущего», выраженных в остросатирических памфлетах [3; 448-449]. «Мелкобуржуазный социализм» — тоже отголосок прошлого, но уже, по преимуществу, не аристократического, а крестьянского и купеческого [3; 449-451]. «Немецкий социализм» — тоже прошлое, только уже специфическое для германской схоластики [3; 451-453]. «Буржуазный социализм», по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса состоящий в утверждении, что «буржуа есть буржуа, — в интересах рабочего класса» [3; 454] выражает непосредственное настоящее. Оба мыслителя, согласно своим взглядам, естественно, оценивали буржуазный социализм негативно. С позиций сегодняшнего дня с ними можно не согласиться, даже в их формулировке легко обнаружить в буржуазном социализме будущие идеи «социального партнерства». Однако такая критика не входит в нашу задачу. Автор, тем не менее, обращает внимание, что класс буржуазии, вместе с ее взглядами, в том числе и социалистическими, — тоже продукт предшествующей истории. А критически-утопический социализм и коммунизм нацелены исключительно на будущее [3; 455-457].

Таким образом, по мысли К. Маркса и Ф. Энгельса и согласно их терминологии, идеологическая карта настоящего представляет собою продукт предшествующей истории и нацеленность на будущее, порывающее с этим настоящим. Революционные и романтические взгляды основоположников марксизма известны, и излагать их далее не стоит. Тем не менее, это, вероятно, одна из первых попыток анализа смысловой структуры современности, и она представляется вполне оправданной: а именно, корреляция смысловой структуры с социальной и ее рассмотрение в контексте прошлого и будущего.

Если эту же идею применить к современной России, то в первую очередь фактически мы сегодня можем наблюдать стихийную мифологизацию СССР. При этом необходимо заметить, что в условиях Советского Союза классическая исследованная марксизмом буржуазная социальная структура отсутствовала, вместо нее на передний план выходили:

— горизонтальная поселенческая структура, в интересующем нас плане представленная, прежде всего, национальными регионами (республиками, областями и округами), противоречием между высокоурбанизированными и сельскохозяйственными регионами и противоречием между обжитыми регионами и регионами освоения [2];

— вертикальная иерархическая структура, представленная мощным государственно-бюрократическим слоем, населением, преимущественно связанным с государственной собственностью и андеграундными слоями населения (главным образом, это криминальные круги и слои, связанные с широко распространенной в СССР теневой экономикой). Именно эта структура предобусловила унаследованную от СССР смысловую картину [4].

Данная картина в эпоху перестройки и революции 1991 г. была переосмыслена очень своеобразно. Чтобы в этом разобраться, следует обратить внимание на субъектов ее переосмысления, потому что именно о их смысловых ориентирах и идет речь. Такими субъектами выступают, конечно, наиболее активные социальные группы, располагающие своими «трибунами», вокруг которых и происходит консолидация ожиданий. Это значит, что смысловая структура общественной жизни сегодня, как и всегда, продуцируется интеллигенцией, то есть тем общественным слоем, который как раз и связан больше с историческим процессом, чем с горизонтальным или иерархическим устройством. Думается, что интеллигенция и представляет собой тот слой людей, а точнее, тот аспект общественной ментальности, который ориентирован на некое «будущее», а не на настоящее, она является прогнозной, проективной, и в целом конструктивной стороной общественного сознания.

Ясно, что интеллигенция — это люди. Однако существует, на наш взгляд, путаница, в которой «интеллигенцию» отождествляют с «образованными слоями» и «интеллектуалами» и говорят, например, о «рабочей интеллигенции», о «технической интеллигенции», о «крестьянской интеллигенции», об «интеллигентных чиновниках», врачах и т.п. Более того, несмотря на наибольшую связь интеллигенции с образованными слоями, преимущественно менеджеров, инженеров, учителей, вузовских преподавателей и т.н. «творческой интеллигенции» (артисты, писатели и пр.), даже среди них интеллигенция не является преобладающей частью.

Данное отождествление связано с распространением в XX в. технократических теорий (Д. Гэлбрейт, Д. Белл, О. Гоулднер, И. Зеленьи, Д. Конрад и др.). В рамках этих концепций интеллигенция оценивалась преимущественно как класс, позиционирующий себя в противостоянии с властью и как преимущественно русский досоветский феномен. Интеллектуалы же понимались как внутренне диффузный слой, объединенный только общим потенциалом творчества культуры и связывались преимущественно с Францией. Образованный же слой обладает более гибкими отношениями и с властью, и с культурой: от противостояния власти до участия в ней и от творчества культуры до ее простой эксплуатации.

Эти термины небесспорны, но подчеркнем, что как ни называй, но такие явления присутствуют в любом обществе, причем все три.

Отождествление «интеллигентности» и «образованности» — общегуманистический подход, характеризующий профессионализм, квалифицированность и плохо пред-

ставимую «одухотворенность» образованных людей, но этот подход неверен, как неверно и то, что интеллигенция — явление только российской культуры, она есть в любой стране, и наиболее открыто заявляет о себе в кризисные моменты. Как отмечает Б.М. Фирсов: «Время показало, что интеллигенция должна существовать во всех модернизирующихся обществах, если смотреть на нее как на определенный ресурс модернизации» [6]. Интеллигенция — субъект того, что Д. Конрад и И. Зелиньи назвали «телеологическим знанием» [1] и что представляет собою ее прогнозный и креативный потенциал. Просто в силу исторической случайности термин «интеллигенция», возникший в германской философии, особенно в популярной в России в XIX веке «Системе трансцендентального идеализма» Ф. Шеллинга [5] прижился именно здесь, но само такое явление ментальности есть, повторимся, везде.

Интеллигентность, это не «рафинированность и ум», не туманная «одухотворенность», а ориентированность на будущее, но не на настоящее, способность представлять, конструировать и воплощать будущее в жизнь. По этому признаку, в самом деле, вполне уместно делить общество на «интеллигентов» и «обывателей». Первые нацелены на будущее, вторые же утилитарно укоренены в настоящем. И в этом смысле между русскими интеллигентами и французскими интеллектуалами принципиальной разницы нет, но они оба существенно отличаются от просто «образованного класса».

Ориентация интеллигенции на будущее, ее прогнозный и креативный характер не заключается в простом научном прогнозировании и проектировании. Скорее интеллигенция — это слой людей и качество общественного сознания, выражающее неудовлетворенность повседневностью, способность мыслить шире утилитарной выгоды, а отсюда — вечную неадекватность человеческого мышления сложившемуся положению дел, каким бы оно не сложилось.

Интеллигенция живет будущим, но следует иметь в виду, что для ныне живущих людей будущее — это то, чего сегодня нет, но что должно быть создано. В этом значении будущего им представляются даже попытки реконструировать и представить в виде социальных утопий стадий вполне отдаленного прошлого.

Социальная структура советского общества и задаваемая им смысловая картина в эпоху 1990-х гг. переосмыслялась именно интеллигенцией и ее представителями. Данное переосмысление представляло собой рациональное реконструирование досоветской эпохи, советской эпохи и западной демократии, представляемых как «будущее», под углом унаследованных взглядов (табл. 1).

Таблица 1

Смысловая карта современного российского общества

Проекты будущего Взгляды интеллигенции	Идеализация досоветской эпохи	Идеализация советской эпохи	Идеализация западных демократий
1	2	3	4
национальные	+	+	+
урбанистические или пасторальные	+/+	+/+	+/+
крупные национальные проекты, характеризующие советские регионы освоения или узкопоселенческие мифы «малой родины», характерные для обжитых регионов	+/+	+/+	+/+

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
великодержавные, типичные для мышления государственной бюрократии	+	+	+
социальное иждивенчество, распространенное среди населения, связанного с государственной собственностью	+	+	+
авантюрные, типичные для андеграундных и девиантных слоев	+	+	+

В этой сложной и во многом условной схеме религиозная вера эксплицитно не представлена, но она присутствует в ней имплицитно, пронизывая каждый ее компонент и придавая ему дополнительный объем в измерении «религиозность — мифоутопическая идеализация».

Мифология кристаллизуется в утопической целепроективной рациональности. По своей сути, она социокультурного происхождения и на разных стадиях своего развития обладает разной степенью оформленности — от рыхлых полуоформленных образов начальной стадии в развитии культурно-исторической эпохи (напр., древнегреческие мифы, святоотческое предание раннего христианства или алхимия и гностикоэзотерические мифы Возрождения) до отчетливо прописанных утопических проектов, философских и научных теорий (Платона, Ф. Аквинского, Т. Кампанеллы или социалистические утопии А. де Сен-Симона и др.).

Мифологическая рациональность в силу усвоенного ею многообразия культурных коннотаций способна намекать на что-то, скрытое за пределами культуры, но, несмотря на это, она односторонняя, исключительно рациональная, и, как таковая, сталкивается с в целом неисчерпаемой реальностью. Повторимся, она только намекает на неисчерпаемость реальности, но никаким образом ее не охватывает. И именно поэтому мифология и возникающие на ее базе рациональные утопические проекты сталкиваются с парадоксом, неоднократно подмеченным в истории философии (напр., «антиномии» И. Канта). Она лишь в узко ограниченной мере и исключительно на уровне научного рационализма способна обосновывать практику адекватно не охваченной ею неограниченной реальности.

Вместе с этим известно, что рационализм, хотя и эффективен, но ограничен и его ограниченность обусловлена множеством причин: как тем, что он всегда определен культурно-исторически, так и тем, что его эффективность обусловлена сужением рационального познания до уровня четко и однозначно осознанной цели, а следовательно, все, что выходит за пределы цели, должно быть абстрагировано.

До тех пор, пока мифология, утопия, философия, наука выражают практическое отношение к природе вне человека, ее сущностной неадекватностью можно до некоторых пределов пренебрегать. Эволюция естественных наук показывает и эффективность, и границы такого пренебрежения. Однако стоит только рациональному взгляду обратиться к внутреннему миру человека (пси-

хика), к культуре и общественной жизни, как ограниченность рационализма сразу влечет за собой ограниченный характер любого социокультурного бытия человека. Анализ ограниченности социокультурного бытия не входит в наши задачи, заметим только, что это и временность существования любой культуры, и ее неизбежная дисгармоничность вплоть до конфликтности и т.п. В экзистенциальном же плане исключительно рациональный взгляд неспособен сформировать устойчивого представления о смысле жизни, любые его решения смысложизненной проблематики непременно ведут к конечной бессмысленности и абсурду человеческого существования. Такой абсурд хорошо проиллюстрирован в литературе экзистенциализма (А. Камю «Миф о Сизифе», Ж.-П. Сартр «Тошнота», «Дьявол и Господь Бог» и др.).

Рационально рассуждая, конечной бессмысленностью жизни можно было бы и пренебречь, существует множество способов иллюзорного осмысления жизни — от творчества до жизни во имя общества или государственных интересов. Однако проблема заостряется тем обстоятельством, что человеческое существование и его жизненный мир всегда определяются «здесь и теперь», они конкретны и целостны. Вот эта целостность человеческой жизни и мира рациональными взглядами самого живущего человека охвачена в исчезающее малой степени, но она практически неисчерпаема. Отсюда следует, что жизнь на основе одного только рационализма невозможна, а так, как она все-таки есть, то значит, в ее осмыслении участвует не исключительно рационализм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Konrad G, and Szelenyi, I. The Intellectuals on the Road to Class Power N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1979),
2. Курамин В.П. Павлов В.И., Павлов А.В. Район промышленного освоения. Свердловск.: Изд-во УРГУ.1989. 300 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Соч. Т. 4. С. 419-459.
4. Павлов А.В. Российский сюжет // Социум и власть. 2004. № 4. С. 87-96.
5. Шеллинг Ф. (Соч. в 2 тт. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 227-490).
6. Фирсов Б.М. Интеллигенция, интеллектуалы и элиты в процессе перехода // Попытка критического дискурса в конце XX столетия. <http://www.eu.spb.ru>.

Сергей Васильевич КРУЧИНИН —
ст. преподаватель кафедры общих гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Ноябрьского филиала
Тюменского государственного университета

УДК 321.7

ДОСТИЖЕНИЕ И ПОСТИЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

АННОТАЦИЯ. Демократия возможна лишь в гражданском обществе, основанном на плюрализме мнений и гарантирующем свободу личности и высокое политическое сознание его членов. Лишь в условиях развитого культурного самосознания в структуре социума могут иметь место реальная возможность выбора или свобода выбора.